

Предисловие

Хирургическое отделение больницы ничем не примечательного ранее района. Да и только ли ранее? Смогла ли эта история как-то изменить судьбу того захолустья или хотя бы самой больницы? Обычная шестиместная палата упакована пациентами, которых сам Бог велел разместить и лечить именно в хирургии. Четверо попали с переломами ног, один — со сломанной рукой, а ещё один — с черепно-мозговой травмой. Кроме этого одного, все помнили не только себя и близких им людей, но и обстоятельства, при которых травмировались.

И лишь он, подобранный бригадой скорой помощи у дороги вблизи арки дома, ничего не мог вспомнить. Странно, но ни в райцентре, посёлке городского типа с населением в пятнадцать тысяч человек, ни в сёлах района в ближайшие дни заявлений об исчезновении человека в полицию не поступало. Травмы же неоспоримо свидетельствовали о преступлении суточной давности, если отсчёт времени вести с момента поступления неопознанного больного.

На вид ему было около пятидесяти. Судя по одежде, он вряд ли был бомжем. Несмотря на полный провал памяти, касающийся событий его жизни, он, придя в сознание после сложной операции на черепе, вступал в разговоры соседей с загипсованными конечностями. Следовательно, ушедший ни с чем, приходил бы ещё и ещё, чтобы выяснить личности пострадавшего и преступника. Однако заведующий отделением, оперировавший больного, знал о последствиях подобных травм и в своём кабинете заявил категорично:

— Амнезия этого больного не симулятивная. Не приходится надеяться и на скорое возвращение памяти. В отделении он не задержится. Через две-три недели кости черепа срастутся, переведём его в больницу для душевнобольных — агрессию наш «клиент» не проявляет, но и надежд на неизменность поведения в будущем тоже нет.

После недолгих расспросов: кто такой и откуда взялся? — обладатели гипсов отстали от Беспмятного. Это прозвище заменило фамилию и имя больного со сшитыми костями черепа.

— Везёт же чудаку! Начнёт жизнь с чистого листа! Всё — и хорошее, и плохое — забыто. Не о чем сожалеть, всё будет в новинку, в диковинку. Завидую тебе, Беспмятный, белой завистью!

— В сравнении с твоим будущим я и сам могу позавидовать себе.

— А что незавидного ты можешь знать про меня? Тебе здесь лежать и лежать, а меня через пару дней выпишут. Ничего, что к работе смогу приступить не сразу. Зато будет время побыть со своими любимыми девочками — с малышкой Тонечкой и с женой. Этому ты не завидуешь?

— Сказал бы я, чему не завидую, но тебе лучше не знать этого.

— Нет, ты уж договаривай, коль начал, — напирал сосед-завистник.

— Я после твоей выписки скажу мужикам, что случится с тобой, — сообщил Беспмятный, не желая продолжения разговора здесь и сейчас.

— Не юли, говори. Надоели мне твои непонятки. Колись, а то я могу и подойти. Могу и что-нибудь сделать так, что будет больно.

Семён, сорокалетний здоровяк, отозвался:

— Не хватало, Федя, чтобы я своей загипсованной рукой успокаивал твою буйную головушку. Уймись. Чего пристал к бедолаге? Или не видишь, что он не в себе?

— Понимай, Сеня, как хочешь, только и ты не позавидуешь Фёдору, когда узнаешь, — обиженным тоном произнёс Беспамятный.

— Ты что, ясновидящий? Приподними затылок, хочется посмотреть на твой третий глаз, — заявил недавний дембель Толян, которому до снятия гипса ещё лежать — не перележать. — Скажи лучше про то, что случится здесь раньше Фединой выписки. Только не говори про то, к кому первому припорхают с уколом или капельницей. Ну, напряги свой третий глаз. Э-хе-хе...

— Тиму сегодня ночью захотят выкрасть. Двое в масках и с пистолетами попытаются его, как вещь, втихую спустить на верёвке из окна.

— Ну, друг ты наш ясновидящий! Ты ещё и юморист? Есть над чем посмеяться. Интересно было бы знать, кому я понадоблюсь. Только это бред, о котором можно забыть, — с иронией в голосе отозвался Тима.

И забыли. Все, кроме него самого. Он же упросил лечащего врача перевести его в соседнюю палату, четырёхместное пристанище для хирургических больных на этом же, третьем, этаже. Доктору удалось узнать, чего опасается пациент. Передавая смену коллеге, пришедшему на дежурство в ночь, он шутя сообщил о предстоящем ночном нападении. И сменщик не воспринял услышанное всерьёз, но всё-таки охранников известил и попросил посторонних не впускать. О причине переселения узнали и обитатели, оказавшиеся соседями.

В четвёртом часу ночи, когда постовая медсестра задремала, а дежурный доктор находился в своём кабинете, по коридору бесшумно, как тени, прошмыгнули двое, до поры

прятавшиеся в подсобке. Они скрылись за дверью палаты, в которую был переведён Тима. Ему скотчем заклеили рот и укутали в одеяло вместе с матрацем. Потом парня обвязали верёвкой и аккуратно спустили через окно. Проснувшийся от возни Борис, увидев происходящее, затаился. Когда налётчики скрылись за подоконником, он быстро, насколько это позволил затягивающийся шов, взял из стола нож и обрезал верёвку. Ещё не дойдя до двери, громко закричал о нападении на Тиму.

Криминальная парочка рухнула с высоты третьего этажа. Тима получил ещё один перелом ноги. Более лёгкие травмы получили оба налётчика. Выскочившие по тревоге охранники побежали к месту падения, но без промедления в ночной тишине прогремел пистолетный выстрел. Раненый в грудь, страж порядка рухнул. Рядом грохнулся и его невредимый напарник. Во всех окнах вспыхнул свет, преступники и охранники оказались на виду друг у друга. Раненый страж, не дожидаясь собственной смерти, вёл огонь на поражение. Стрельба прекратилась, но прошли минуты, прежде чем невредимый напарник, опасаясь выстрела, подошёл к упавшим.

Головы обоих были прострелены. Пуля, попавшая в грудь героического охранника, навывлет прошла через мягкие ткани, едва задев ребро. Его перевязали на месте схватки. Лишь после этого пострадавших занесли в больницу, где Тиме сделали обезболивающий укол — операции предстояло ждать до утра. А полиция приступила к расследованию, кто заказал похищение. Они не сомневались, что похитители охотились за тем больным, на месте которого оказался Тима. Его-то увезли долечиваться (или на время следствия) в больницу какого-то из районов.

Тима попросил вернуть его на освободившееся место. В третий глаз Беспамятного пришлось поверить не только жертве похищения.

— Всё-таки, Беспамятный, какая неприятность ждёт Фёдора после выписки? Чего или кого он должен опасаться? — не давал покоя Семён.

И сам Фёдор теперь верил в предсказание.

— На улице не делай даже одного шага без мотоциклетного шлема. А под шлем надевай шапку-ушанку. Это может спасти, когда тебя собьёт машина, — посоветовал предсказатель судеб.

— Я вообще не хожу пешком. Моя машина всегда у подъезда. Ходить не надо — сел и поехал, — озабоченно бормотал Фёдор.

В следующий после выписки день Федя припарковал машину около магазина. Жена оказалась на тротуаре, а он вышел на проезжую часть, чтобы потом помочь ей вынести из магазина сумки с покупками. Наверное, покидая авто, он о чём-то задумался. Иначе заметил бы несущиеся попутные «Жигули». Беднягу не просто сбили. Открытой дверцей у него снесло часть черепа.

О недавнем бывшем соседе по палате вспоминали только хорошее.

— Чему быть, того не миновать, — философски отозвался Семён на известие о смерти Фёдора. — Вот и задумаешься, верить или не верить предсказаниям.

Семёна в тот же день выписали. На его место, по его собственной просьбе, перевели бдительного Бориса. Когда скорбь чуточку отпустила, Толик без всяких подвохов и насмешек попросил:

— А скажи, Беспамятный, что будет лет этак через семьдесят или больше. Интересно знать то, до чего не доживёт ни один из нас.

— Вопрос, конечно, интересный. Полагаю, что не только для нас с тобой, — отозвался обладатель дара ясновидения. — Попробуем вместе заглянуть в будущее. Одному-то как-то даже жутковато заглядывать в тайны, занавешенные толщей времени. Если рассказ затянется или я просто надо-ем, то остановите.